

Ясмiна Войводич

## ПЬЯНСТВО В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ<sup>1</sup>

«Для того и пью, что в питии сем  
сострадания и чувства ищущу.»

(Ф. М. Достоевский.  
*Преступление и наказание*)

Пьянство по своей сути указывает на двойственность, на два вида или направления размышлений о питье: положительном и отрицательном, возвышенном и низком. А. Топорков в словарном обозначении пьянства упоминает, что в народной традиции оно воспринималось «с одной стороны, как источник веселья и удали, полноты, изобилия, как богоугодная форма общения с живыми и умершими. С другой стороны, пьянство получало негативную оценку как источник асоциального поведения и семейных конфликтов» (Топорков 2009: 377). Добавим к этому глаголы, непосредственно связанные с питьем, какими являются «жаждать», «упиваться», «опьянеть» и т. п., расширяющие первоначальное значение понятия «пьянство», благодаря которым представляется предельная острота любого желания и сила его удовлетворения в, метафорически говоря, «опьяняющей» реке жизни (Эпштейн 2005: 265). Питье, по словам Михаила Эпштейна, является «главным чувственным запросом нашего бытия, откуда и берется образ высшего упоения — любовью, славой» (там же), красотой, но и низкого, связанного с запоем, алкоголизмом и хроническим пьянством и, в конечном итоге — со смертью.

Сама выпивка в фольклорной традиции, о чем свидетельствуют многочисленные источники, является положительной. Она сопровождается беседой, дружбой, тостами (за здоровье, счастье, любовь, дружбу, будущее...), хотя всегда «в скобках» есть предупреждение, связанное чаще всего с мерой, т. е. не с качеством, а количеством алкоголя, как в крылатом выражении: «Пей, да дело разумей!». Противопоставляются умеренность и слишком большое количество: на пиру первую чашу пьешь в жажду, вторую в сладость, третью во здравие, четвертую в веселье, пятую в пьянство, шестую в бесовство, а последнюю в горькую смерть (Буслаев по Топорков 2009:

---

<sup>1</sup> Статьи данного блока прочитаны на международной конференции «Пьянство/опьянение в русской культуре с 1990 по 2020 г.», в рамках проекта «Русские литературные трансформации с 1990 по 2020 г.» (HRZZ, Transform, IP-2020-02-2441), при финансовой поддержке Хорватского фонда науки.

379; см. также Степанов 2004: 330). При этом, как мы видим, количество алкоголя указывает на градацию: от положительного к отрицательному, от жизненной радости до смерти.

Тот, кто смотрел дистилляцию (перегонку) спиртных напитков, этот во многом «волшебный» процесс, в течение которого испаряется жидкость и на глазах появляется конденсирующийся пар, мог убедиться, что этот пар напоминает духа. Спиртное, как и само имя говорит, — это «спирт», «спирит», «дух» (хорв. «špirit»), лат. «spīritus» — «дыхание, дух, душа». Этот дух дышит, вдохновляет, действует на тело, выводит его из равновесия, бросает в радость и веселье, либо уничтожает его до болезни и даже до смерти, так как «[в]еселеющая радостная природа алкоголя поднимает человека вверх, в небеса, но мрачная — замутняет сознание и тянет вниз, в адские сферы» (Ключников 1999: 423).

Виктор Еруфеев в шутивном тексте, названном «Русский Бог» опубликованном в журнале *Огонек* за 2003 год, по поводу 500-летнего юбилея водки написал, что водка буквально находится в центре русской жизни, высказав это словами: «Вначале было слово. И слово было у Бога. И слово было “водка”». Начиная с этого «первого» слова, парафразирующего Евангелие от Иоанна, видно, что словесность и выпивка в России находятся в тесных отношениях.

Еще в *Повести временных лет*, в год 954 княгиня Ольга приказала древлянам справить тризну по убитому князю Игорю. Когда они опьянели, она велела своей дружине перебить их. Не менее нам известны слова князя Владимира, также из *Повести временных лет* (2012: 986): «Руси есть веселие пить, не можем без того быть». Сама литература, как и ее представители-писатели, во многом связаны с «бутылочной» историей. О спирте писали и сами его пили в течение длинной истории, вплоть до нынешнего времени.

Поскольку тема пьянства в литературе и культуре не потеряла своей актуальности, мы решили в рамках проекта *Русские литературные трансформации с 1990 по 2020 г.* организовать в Загребе в мае 2022 года международную конференцию. Основным побуждением к организации конференции, связанной с темой пьянства и опьянения, стало желание описать пьянство — эту масштабную тему в актуальной литературе и культуре. Назвав ее *Пьянство/опьянение в русской культуре с 1990 по 2020 г.*, мы предложили темы алкоголя и алкоголизма и связанные с ними темы ограничений, трезвости, типов напитков; далее темы языкового уровня пьянства, состояния пьяного тела и души, кайфа, запоя, темы сакрального значения пьянства, а также метафорические значения опьянения и отрезвления. Мы взглянули на пьянство/опьянение сквозь призму актуальной русской культуры: литературы, театра и фильма, представителями которых являются Лев Лосев, Иван Вырыпаев, Виктор Пелевин, Роман Сенчин, Алла Горбунова, Полина Барскова, Гузель Яхина, Евгений Водолазкин, Павел Лунгин, Марина Степанова, Виктор Мальцев и другие.

В тематическом блоке, который мы публикуем в *Славистическом сборнике Матицы сербской*, собрано десять статей, посвященных пьянству и опьянению разного вида. Статьи анализируют тему пьянства в прозе (Бенчич, Ковтун, Лугарич Вукас, Подлесник), в современной поэзии (Бобрык, Войводич, Гребенац), в малой форме анекдота (Ужаревич), в новейшей русской драме (Сыска), и в фильме (Перушко).

Анализируя роман *Дождь в Париже* современного русского писателя и представителя «нового реализма» Романа Сенчина, Н. Ковтун сосредоточилась на пьяном состоянии главного героя романа Андрея Топкина. Алкоголь Топкину помогает взглянуть на собственную историю с иной точки зрения. Собственный взгляд и «оппозиция к обществу» раскрываются и в сборнике прозы *Конец света, моя любовь* Аллы Горбуновой, о чем пишет Ж. Бенчич. Если Топкин Сенчина пьет, чтобы возвращаться в прошлое, то молодая героиня Горбуновой пьет в жажде «трансгрессии», чтобы ощутить «полноту подлинного опыта». Опьянение распространяется и на поле культуры. В тексте *Опьянение культурой в рассказе «Хрустальный мир» В. Пелевина* Б. Подлесник обращает внимание не только на опьянение психоактивными веществами, но и культурой, поскольку, по мнению автора, пелевинский рассказ надо читать на фоне художественных, религиозных и философских исканий культуры Серебряного века. Советским прошлым «опьянели» сюжеты прозы, особенно романа 2010-х гг. (П. Барскова, С. Лебедев, З. Прилепин, Г. Яхина, М. Степанова и др.), о чем пишет Д. Лугарич Вукас. Близкой темой опьянения занималась К. Сыска, раскрывающая (единственную в нашем блоке) данную тему в драматургии. Приводя примеры «новой драмы», автор ссылается на Виктора Ерофеева и его слова из *Русского апокалипсиса* по поводу значения водки: «Открытие водки окутано тайной, и в этом нет ничего удивительного. Водка сакральна. Для русского сознания у нее нет истории. Вечная субстанция не подлежит анализу. Расщепление водки — угроза России. Аналитик водки — враг народа». Сыска подводит итоги, что Вырыпаев, как и социально ориентированные писатели-драматурги уходят от реалистической трактовки «злоупотребления алкоголем», «выбирая различные стратегии художественного остранения, акцентируя и проблематизируя трансгрессивные и эстетические свойства состояния опьянения». Эффект алкоголя бывает разным и на этот факт указывает статья И. Перушко, в которой анализируется фильм *Такси Блюз* П. Лунгина. С точки зрения пьянства опьяняющее вещество помогает главному герою, музыканту Леше, уйти от повседневного мира и, одновременно, дает ему возможность оживить музыку. Пьянство в фильме Лунгина является положительным, в то время как трезвость является отрицательной категорией, поскольку только пьяному дана возможность найти дорогу, которая ведет к высшей степени духовности. Феномен пьянства, рассматриваемый в его двойственном значении (положительное/отрицательное, высокое/низкое, ра-

дость/скорбь и т. п.) раскрывается в *Прозе Ивана Сидорова* Марии Степановой. Пьянство, с одной стороны, является характеристикой главного героя, а, с другой, оно вписывается в сам текст указанной поэмы, о чем пишет П. Гребенац. Поэзию анализировал и польский исследователь Р. Бобрык. Не случайно один из циклов стихотворений дебютного тома поэта Льва Лосева называется *Памяти водки*. Не только пьянство в советском быту интересует автора, но и факт, что благодаря пьянству в поэзии Лосева раскрываются многочисленные связи, «аллюзии на классиков русской литературы». Похожее происходит в поэтическом сборнике Мальца Питерского *Хроники Лох-невского чудовища*, о которых писала Я. Войводич. Пьяные хроники не столько вербализируют пьянство, сколько, благодаря пьянству, возобновляют классическую русскую литературную традицию. Традиция закреплена и в анекдотах. Не забывает об этом Й. Ужаревич в тексте, посвященном анекдоту как микронарративной структуре современного городского фольклора. Воздействие алкоголя прослеживается на трех уровнях: телесном, эмоциональном и общекультурном, возвращая нас к мысли, что пьянство/опьянение надо рассматривать как на индивидуальном (личном, эмоциональном) уровне, так и на социальном (культурном, литературном, политическом).

Алкоголь, как показывается в статьях данного блока, вливается в тело и метафорически в текст, и, таким образом капиллярно расширяется на все уровни жизни в современной русской культуре с 1990 по 2020 г. Воздействие алкоголя тематизируется как радость и веселье (городской фольклор, анекдот, праздничное питье в поэтическом тексте), как возможность постижения искусства. Показывается, что нередко сам литературный текст уподобляется пьяному состоянию (современная поэзия); пьянство восхваляется, трезвость осуждается (фильм, шутливая поэзия); опьяняются культуры и политические системы; пьянство и опьянение помогают оживить культуру прошлого (классическая литература, советское прошлое), или же сам литературный текст опьяняется прошлым. Под воздействием алкоголя человек уходит в иную реальность, в потусторонний мир (автобиографическая проза), ищет смысл, конечные ответы. На самом деле, пьянство в прямом и переносном значении, возвращает нас к мысли о его двойственности...

#### ЛИТЕРАТУРА

- Ерофеев Виктор. «Русский бог». *Огонек* 2 (22. 1. 2003). <<https://www.kommersant.ru/doc/2291377>> 10.05.2022.
- Ключников Сергей. «Вино и Россия». Ключников, С. (сост.) *История Вина в цивилизации и литературе*. Москва: Беловодье, 1999: 413–506.
- Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 года*. Перевод Д. С. Лихачева и О. В. Творогова. Санкт-Петербург: Вита Нова, 2012.
- Степанов Юрий. *Константы: словарь русской культуры. Издание 3-е, исправленное и дополненное*. Москва: Академический проект, 2004.

- Топорков Андрей Львович. «Пьянство». Толстой Н. И. (ред.) *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. Т. 4. Москва: Институт славяноведения РАН, 2009: 377–382.
- Эпштейн Михаил. «О сосудах». *Все эссе. В России*. Т. 1. Екатеринбург: У-Фактория, 2005: 260–266.

## REFERENCES

- Epshtejn Mihail. «O sosudah». *Vse esse. V Rossii*. T. 1. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2005: 260–266.
- Erofeev Viktor. «Russkij bog». *Ogonek* 2 (22. 1. 2003). <<https://www.kommersant.ru/doc/2291377>> 10.05.2022.
- Klyuchnikov Sergej. «Vino i Rossiya». Klyuchnikov Sergej (sost.). *Istoriya Vina v civilizacii i literature*. Moskva: Belovod'e, 1999: 413–506.
- Povest' vremennyh let po Lavrent'evskomu spisku 1377 goda*. Perevod D. S. Lihacheva i O. V. Tvorogova. Sankt-Peterburg: Vita Nova, 2012.
- Stepanov Yuriy. *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury*. Izdanie 3-e, ispravlennoe i dopolnennoe. Moskva: Akademicheskij proekt, 2004.
- Toporkov Andrej L'vovich. «P'yanstvo». Tolstoj N. I. (red.) *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvističeskij slovar'*. T. 4. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN, 2009: 377–382.